

С. РЕЙСЕР, А. ФЕДОРОВ

ГЕТЕ В РУССКОЙ ЦЕНЗУРЕ

I. ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕТЕ

1

В период 1796—1804 гг. положения, точно определявшего задачи и круг деятельности цензуры, в России не существовало. Указом от 16 сентября 1796 г. Павел I «признал за нужное» учредить цензуру «в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг». Естественно, что такая расплывчатая формулировка давала бесконечный простор произволу и самодурству отдельных чиновников. Особенно прославился на этом поприще рижский цензор Федор Осипович Тимковский. Достаточно сказать, что из общего числа задержанных в период 1797—1799 гг. 639 книг 552 запрещения, т. е. 86%, падают на долю Тимковского. Свифт, Бокаччио, Виланд, Шиллер, Кант, Гердер, Клопшток, Руссо, Вольтер, Гете—вот список запрещенных Тимковским авторов. А в 1800 г. он запретил даже и немецкий перевод «Писем русского путешественника» Карамзина! Тимковский кончил тем, что подал Александру I донос на «якобинцев города Риги», в числе которых будто бы находились все официальные чины города во главе с генерал-губернатором. Отставленный «с пенсией» от должности, он вскоре скончался¹.

Первый касающийся Гете документ, так сказать знакомство Гете с русской цензурой, относится к 1797 г., когда Тимковский особым рапортом генерал-прокурору Сената предложил запретить «Вильгельма Мейстера». Речь шла об издании 1796 г. («Goethes neue Schriften», IV Band). «Безусловное утверждение, будто блаженство наше состоит в том, чтобы всеми силами достигать того, что нам справедливым и хорошим кажется, противно правилам истинной мудрости, чтобы во всех своих желаниях и намерениях и деяниях соображаться законам государственным и правилам веры. На стр. 110 [автор] отвергает достоверность священного писания. На 202 предлагает новый образ воспитания, чтобы погрешностей не предвять или в первом оных начале не истреблять, но допустить перее к преисполнению меры. Сие новое у новейших писателей часто нам встречающееся учение кажется зловерно для воспитания, да и опасно для юношества. И тут же на 224-й опорачивает доселе существовавшее нравоучение и гражданские о том установления. И другие новые выражения о жизни, владении именьями и прочая на стр.*23, 32, 40, 206, 208, 238, 239 и т. д.»².

Характерны и два следующие рапорта, также касающиеся «Вильгельма Мейстера»³; за недостатком места привожу их без всяких комментариев и без подробных цитат из соответствующих мест книги. Первый из рапортов касается I тома в изд. 1795 г. «Четвертый том сея книги запрещен уже под № 57, а в сем томе находятся следующие сумнения: на стр. 21 и 22 собрание смешное и сатирическое в куклах, представляющих царя Саула, Ионафана, пророка Самуила, Давида и прочих. Стр. 85 и 87: ежели государи овладев всем, со всего получают доход и пошлины, для чего не торговать и нам оными. Стр. 105 «Кто воспрещает тебе бь в объятях одного мыслить о другом»—кажется есть не благопристойно и для девиц и жен соблазнительно. (Разрядка моя.—С. Р.) Стр. 159. Кафедру проповедников и театр поставляя в одно достоинство, желает чтобы проповедники и комедианты жили в согласии. Стр. 172 отвергает промысел божий, приписывая в свете все необходимости и случайности. И прочие страницы: 168, 203, 204, 206, 207, 233, 237, 238, 316, 325, 338, 350 и проч.»⁴

Второй рапорт о III томе (1795 г.) «Вильгельма Мейстера» таков: «Четвертая часть сего романа запрещена, а в сей части следующие сумнения: стр. 31 и 32 не хвалит различия в обществе состояний дворянства и мещанства. Стр. 141 и 142 неприличные рассказы о царском достоинстве. Стр. 241, 242 и 247 легкомысленности о благоговении к богу, стр. 284 сокрытая и весьма тонкая сатира на внеш-

ность веры и обряды в молитвах. Стр. 290 странное толкование о грехе, отделяющем человека от Бога, с коим всегда быть должно. Стр. 300 смеется над стихословием царя и пророка Давида, над Псалтырью»⁵.

В 1797 г. подвергся запрещению и X том того же издания, содержащий «Рейнеке-Лис». «Содержание шуточного и замысловатого сатирического в нравоведении: коль часто злодеи торжествуют над праведными, потому что первые и хитры и лживы, а последние токмо честны и усердны. Но в следующих местах выражения для читателей кажется сумнительны: стр. 132—две последние строки и на стр. 133 первая строка. Стр. 142 призывание духа святого лисицею кажется весьма не кстати. Стр. 219 легкомысленное рассуждение о присяге, стр. 280 от слов *Raubt der König ja selbst so gut als einer...* до слов на стр. 283 *Kleine Diebe hängt man so weg...* сокрытая сатира на самодержавные правительства. От стр. 301 до 304 сатира на правление и деяния римского папы»⁶.

Чтобы закончить перечень трофеев Тимковского, следует привести еще один рапорт о книге «*Aufsätze in Stammbüchern. Aus den Schriften Wielands, Goethes, Klopstocks u. a. gesammelt. Gallé*». К сожалению в ленинградских книгохранилищах не нашлось этого издания и потому нельзя точно определить, что и в каких размерах касается Гете. Содержание смутивших цензуру мест в рапорте более или менее подробно изложено. Тимковскому показались подозрительными следующие места: «Стр. 41 статья 293 касательно рабства и бедности государей в дружьях. Статья 276. Якобы к существу покоя, волности и народного блаженства потребные по временам кровопролития и слезы. На стр. 45 статья 296 якобы титуло великих заслуживающие редко бывают добрые люди, что конечно обидно для заслуживающих потом и трудами сие титуло. На стр. 86 статья 591 якобы тот умный человек, кто слову или хвалу в подвигах презирает; там же статья 593 якобы смерть государя, министра и проч. ничто, поелику их место всяк заступит может»⁷.

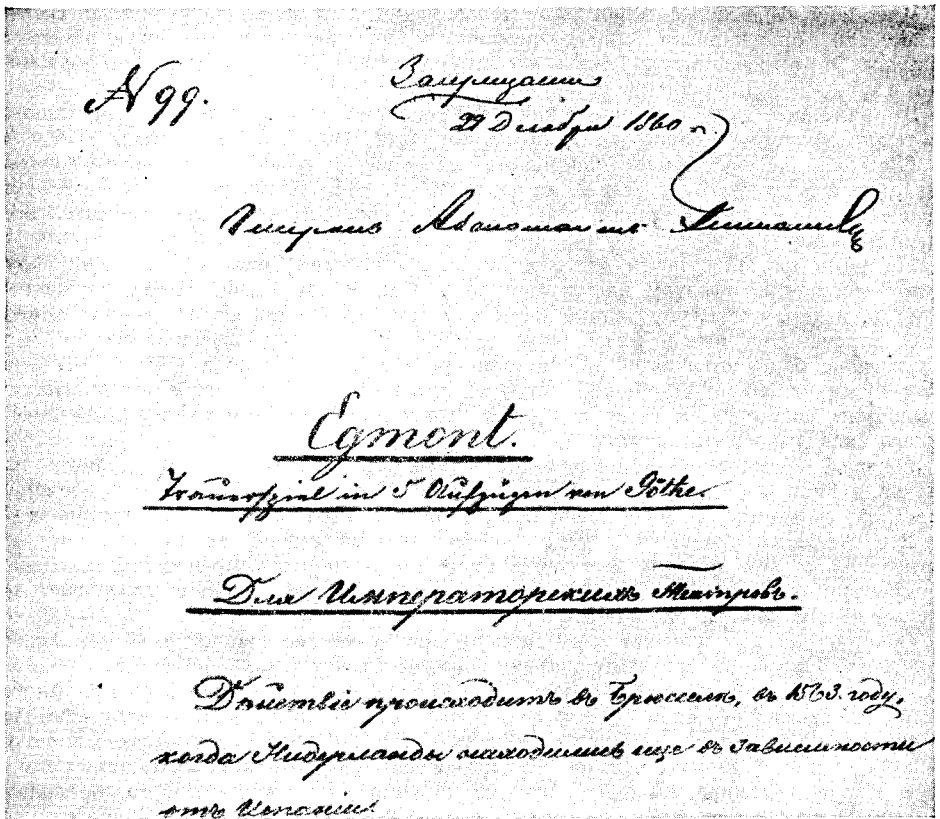
2

Другие ранние произведения Гете в русских переводах, насколько можно судить по материалам ленинградского отделения Центрархива, вернее говоря, по отсутствию этих материалов, не вызывали цензурных запретов. Первое произведение Гете на русском языке — «Клавиво» в переводе О. П. Козодавлева. Перевод этот, выдержавший в течение года с небольшим два издания⁸, не встречал, как впрочем и последующие, цензурных препятствий. В 1816 г. это произведение Гете было одобрено к представлению на сцене; то же в 1835, 1842 и 1862 гг.⁹ Точно так же свободно проходил, не возбуждая сомнений, и перевод «Гецца фон Берлихингена»¹⁰.

Далеко не так благополучно проходил через цензурные чистилища «Фауст». Первая попытка издать полный русский перевод была произведена поэтом и переводчиком Эдуардом Ивановичем Губером около 1835 г. Перевод этот был цензурой полностью запрещен. Этот эпизод в делах ленинградского отделения Центрархива никак не отмечен, и судить о нем можно только по свидетельству третьих лиц. Существует не вполне достоверный рассказ о том, что когда Губер узнал о решении цензуры, он в бешенстве разорвал рукопись—результат многолетнего труда. Традиция и сам Губер утверждают, что уже вскоре он «по настоятельному желанию Пушкина с новой силою принялся за вторичный перевод «Фауста»; под его [Пушкина.—С. Р.] надзором, труд... быстро подвигался вперед»¹¹; во всяком случае в конце 1837 или начале 1838 г. вторичный перевод был уже почти готов и имел быть представленным в цензуру. Книга вышла в самом конце 1838 г. (цензурное разрешение от 12 сентября).

Как проходила книга через цензуру, мы в точности не знаем, но можем судить по результатам. Книга вышла с огромным количеством пропусков сцен, реплик, стихов и даже отдельных слов. Всего в этом издании было исключено около 40 отрывков большего или меньшего размера. Достаточно сказать, что полностью исключен «пролог на небесах»; нечего говорить о второй части: от нее в этом издании вовсе не осталось следа.

Когда А. Г. Тихменев через 11 лет после смерти Губера (в 1847 г.) и почти через 20 лет после первого издания, возбудил ходатайство о разрешении издать перевод Губера вторым изданием, дополнив его поправками, еще не бывшими в печати, испуганный Санктпетербургский цензурный комитет переслал все дело в Главное управление цензуры; последнее, усмотрев в этом нарушение каких-то норм, определило: «предложить сему комитету рассмотреть вышеозначенную книгу с рукописными в ней вставками на основании существующих цензурных постановлений»¹².

Рапорт цензора драматических сочинений при Главном управлении цензуры Ив. Нордстрема об „Эгмонте“ Гете с резолюцией начальника штаба корпуса жандармов генерала А. Е. Тимашева
Ленинградское Отделение Центrarхива

Второе издание «Фауста», тоже далеко не полное, все-таки вышло в 1859 г., и таким образом мы можем установить, что именно в переводе Губера так пугало цензуру¹³.

Что до театральной цензуры, то она в противоположность общей цензуре относилась к первой части «Фауста» в общем не особенно враждебно.

Первый встречающийся документ относится к 1834 г. Вот заключение цензора Ольдекопа, свидетельствующее о том, что «Фауст» был произведением, давно уже разрешенным и не вызывавшим цензурных тревог.

«Cette piece a été deja presentee plusieurs fois à St.-Petersbourg; c'est Mr. W. A. Wahlberg qui me l'a presentée avant de quitter St.-Petersbourg pour la jouer à Riga et Revel»¹⁴.

Перевод:

«Эта пьеса уже много раз шла в Петербурге. В. А. Вальберг перед своим отъездом из Петербурга представил мне ее для постановки в Риге и Ревеле».

Пять лет спустя городской театр в Ревеле снова просит о разрешении возобновить постановку «Фауста».

«Можно» начертал на представлении Ольдекопа генерал-майор Дуббелът¹⁵.

Впрочем когда в том же году Немецкий театр в Петербурге просил разрешения о постановке «Фауста», то Ольдекоп счел нужным в заключение своего представления заметить:

«Plusieurs auteurs ont arrangé cette poésie de Goethe pour la scène dramatique, et tous ces arrangements ont été permis en russe et en allemand. Cet arrangement de Tick peut être permis avec les mêmes restrictions que les précédentes».

Перевод:

«Ряд авторов перерабатывал это произведение Гете для драматической сцены, и все эти арранжировки были разрешаемы к постановке на русском и немецком языках. Эта арранжировка Тика может быть разрешена с теми же ограничениями, как предыдущие»¹⁶.

Это замечание даст основание заключать, что какие-то сокращения или изменения в тексте «Фауста» в обработке Тика все же были. Нам они неизвестны.

Следующее несущественное упоминание о «Фаусте» в делах цензурного ведомства находим только 21 год спустя¹⁷, когда в 1860 г. «Фауст» предназначался к постановке на сцене императорских театров. Постановка 1-й части была разрешена беспрепятственно¹⁸.

Несмотря на такое, почти благожелательное, отношение, отдельные издания «Фауста» заставляли цензуру настораживаться. Так, когда А. Ф. Маркс задумал в 1888 г. издать иллюстрированный перевод «Фауста», снабдив его гравюрами немецких художников, понадобилось дать цензурному комитету обещание в том, что: 1) издание будет отпечатано в ограниченном числе экземпляров (1550) и 2) цена ему будет от 30 до 40 рублей. Так как немецкое издание с теми же рисунками было уже разрешено к ввозу в Россию, цензурному комитету не осталось ничего иного, как разрешить издание¹⁹.

Наконец последнее известное мне дело о «Фаусте» относится к 1912 г., когда начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард признал пьесу «Фауст» для народных сцен неудобной. Речь шла о переделке Д. А. Мансфельда²⁰.

Все сказанное относится к первой части. Что до второй, то для иллюстрации отношения к ней цензуры достаточно будет привести два сохранившихся поздних документа: они относятся к 1889 г., когда начальником Главного управления по делам печати был Е. М. Феоктистов.

Оба рапорта принадлежат перу цензора драматических сочинений И. П. Альбединского. На обоих—запретительные резолюции Феоктистова:

«Действительный студент императорского Казанского университета артист Анатолий Николаевич Кремлев просит о разрешении для сцены двух частей «Фауста» в вышеназванном переводе [Холодковского.—С. Р.]. Сделав необходимые многоочисленные [разрядка моя.—С. Р.] исключения в первой части «Фауста», я такую к представлению дозволяю. Что же касается до второй части, то, признавая одну вполне непригодной для сцены, я в этой части просьбы г. Кремлева удовлетворить его не могу, и так как вторая часть «Фауста» по содержанию и объему своим составляет вполне самостоятельное сочинение, то о ней я имею честь представить настоящий доклад»²¹.

Следующий рапорт, содержащий подробный разбор второй части «Фауста», несравненно интереснее; он необычайно ярко характеризует «цензурную поэтику» 80—90-х годов.

«Вторая часть «Фауста» разрешена к представлению в приспособленной для сцены версии Волгеяма в 1875 г. покойным Е. И. Кейзер-фон-Нилькгеймом. В русском переводе она запрещена 30 прошлого марта, по моему докладу.

Не говоря подробно о непригодности вообще такого рода философского сочинения к представлению перед всякой публикой, я нахожу еще, что по разным местным условиям вторая часть «Фауста» в настоящее время неудобна на сцене в России.

Все те места драмы, в которой появляется анонимный император (хотя и чисто немецкий), могут вызывать в публике неудобные демонстрации. Так например в 1-м действии (стр. 8)

Der Bürger, hinter seinen Mauern,
Der Ritter auf dem Felsenest
Verschworen sich uns auszudauern
Und halten ihre Kräfte fest²².

Это место публикой может быть применено к той части жителей Прибалтийских губерний, которые недовольны настоящими преобразованиями. (Разрядка моя.—С. Р.)

Сцена маскарада, кончающего[ся] фейерверком, долженствовавшая изобразить первую французскую революцию, тоже по моему мнению неудобна.

Император, обращающийся к чарам, к нечистой силе для победы над подданными, тоже для сцены неуместен.

Еще могу отметить:

Сцену выпуска бумажных денег, по наущению Мефистофеля (стр. 39). Она совсем не для малообразованной публики.

Сцену сотворения человека в реторте химическим способом (стр. 62а).

Заключительные сцены, в которых ангелы уносят душу Фауста на небо и появляются Pater Ecstaticus, Pater Profundus, Pater Seraphicus, Mater Gloriosa (Божья мать), Св. Мария Египетская (стр. 20 и посл.).

В разрешенной в 1875 г. сокращенной версии этой второй части «Фауста» все мной вышеуказанное тоже существует. Также в заключительной сцене появляются Pater Seraphicus, Mater Gloriosa и ангелы.

Вычеркивать же красными чернилами отдельные места я полагаю неудобным. Творения Гете настолько известны, что такое вычеркивание может только обратить особое внимание публики на эти места и придать им даже более важности, чем они действительно имеют.

Мне кажется, что было бы для дела выгодно сообщить лифляндскому губернатору про существующую уже разрешенную версию «Фауста» и указать ему на некоторые неудобства допущения одной на рижской сцене в настоящее время»²³.

Характерно, что в 1889 г. цензуру смущали те же самые места, что и за 50 с лишним лет до того, когда в 1835 г. цензурой был запрещен перевод Э. Губера. Впрочем запрещение творения Гете в другом случае, тоже по одним и тем же мотивам, продержалось гораздо дольше. Я имею в виду «Эгмонта».

3

Пока, как видим, придирки «богомольной важной дуры или чопорной цензуры» (Пушкин) шли все время по линии религиозной. Вальпургиева ночь, излишне пытливые высказывания Фауста и Мефистофеля, рождение Гомункулуса в реторте, ночные похождения бога (хотя бы и индийского—об этом ниже), сомнения в бессмертии души—все это старательно удалялось из сознания русского читателя и зрителя Гете в самом буквальном смысле *ad majorem Dei gloriam*.

«Потрясение политических основ» цензура усмотрела в «Эгмонте», на цензурных злоключениях которого следует остановиться особо. Это произведение долгие годы было под безусловным и совершенным запретом²⁴. Никакие компромиссы в виде сокращений или переделок пьесы, как в «Фаусте», были невозможны. Эгмонт—борец за национальную независимость Нидерландов—был слишком революционен в представлении цензоров Главного управления цензуры, даром что в произведении борьба протекает на фоне столкновения католиков с реформистами. Впервые «Эгмонт» был запрещен к представлению на Немецком театре в 1806 г. на том основании, что «в пьесе находятся многие прения о правах государей на их подданных, и содержание ее заключается в возмущении нидерландцев, которое, вместо того чтобы внушить зрителям повиновение правительству, может возбудить в них совсем противные чувства»²⁵.

Это запрещение было подтверждено в 1808 г. В деле «О рассмотренных Санкт-петербургским цензурным комитетом и дозволенных к напечатанию сочинениях и переводах...» находим постановление от 24 марта о запрещении постановки пьесы на сцене. (Представление цензора Зона.)²⁶

Пьеса была запрещена всерьез и надолго, и в течение четверти века мы не находим никаких попыток ни получить разрешение на постановку на сцене, ни издать перевод «крамольной» пьесы. К 1832 г. относится освещенный в делах ленинградского отделения Центрархива эпизод с запрещением «Эгмонта» к печати. Перевод, о котором идет речь, принадлежал А. А. Шишкову. Цензор Семенов, о котором в связи с Гете речь будет итти и дальше, запретил издание перевода трагедии Гете: «...ибо в одной яркими красками представлено возмущение нидерландцев против власти испанского короля, делать же в одной какие-либо значительные перемены комитет почел себя не в праве, поелику сочинение сие относится к классическим произведениям словесности».

Характерна деликатность цензора, не решающегося исправлять Гете!

По жалобе не согласившегося с этим решением переводчика (так помечено в деле, в действительности Шишков умер 27 сентября) Санктпетербургский цензурный комитет 17 ноября передал дело на заключение Главного управления цензуры, которое 28 ноября подтвердило решение Комитета²⁷.

Это дело касается повидимому «Немецкого театра» А. Шишкова, изданного М. Погодиным (см. его письмо Пушкину от 18 апреля 1832 г.). В 4 вышедших частях «Эгмонта» нет; 5-я часть, в которой он должен был быть помещен, не вышла.

Этот эпизод несомненно находится в связи с другим, тоже связанным с именем Шишкова эпизодом, когда председательство за него перед цензурой косвенно взял на себя Пушкин. Когда Российская Академия приняла предложение Пушкина об издании трудов Шишкова, встретились какие-то цензурные затруднения, опять-таки в связи с «Эгмонтом», намеченным к включению и в это издание. В бумагах Пуш-

кина: сохранился написанный его рукой черновой набросок заявления Уварову, который вдова должна была подать от своего имени. В этом прошении Е. Шишкова (гесп. Пушкин) между прочим писала: «встретились затруднения со стороны цензуры, задержавшей перевод Гетева «Эгмонта». Трагедия эта входит в состав «Немецкого театра», который покойный муж вознамеривался издать. «Эгмонт», изданный не особой книжкой, но помещенный в числе других пяти или шести трагедий, кажется может быть дозволен».

Спасти «Эгмонта» все же не удалось. В изданных Российской Академией «Сочинениях и переводах А. Шишкова» (чч. 1—4, СПб, 1834—1835) «Эгмонта» нет. Перевод остался ненапечатанным и неизвестен доселе ²⁸.

Следующая по времени попытка добиться легализации «Эгмонта» в русской литературе и на русской сцене относится только к 1860 г., когда дирекция императорских театров в лице директора А. И. Сабурова обратилась в III Отделение с просьбой разрешить постановку пьесы.

17 декабря 1860 г. А. И. Сабуров писал шефу жандармов кн. В. А. Долгорукому:

«Милостивый государь князь Василий Андреевич!

Препроводив вместе с сим в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии для рассмотрения в цензуре немецкую трагедию Гете «Эгмонт», долгом поставляю представить на внимание вашего сиятельства, что хотя эта пьеса и была запрещена к представлению лет пятьдесят тому назад, но теперь я решаюсь ходатайствовать пред вами, милостивый государь, о благосклонном дозволении представления ее на здешней немецкой сцене к тому уважению, что она с разрешения означенной [карандашом на полях вставлено «местной».—С. Р.] цензуры играется в Остзейских губерниях и что во время пребывания в последний раз государя императора и государыни императрицы в Дармштадте избрана была эта трагедия для торжественного спектакля, данного в присутствии их величеств на домашнем театре» ²⁹.

Заключение цензора Нордстрема было вполне благоприятно для Сабурова.

Излагая содержание «Эгмонта», Нордстрем в своем представлении писал:

«Действие происходит в Брюсселе, в 1563 году, когда Нидерланды находились еще в зависимости от Испании.

Преследование католическим правительством укоренявшегося в Нидерландах реформатского учения вызвало неудовольствие в народе. Хотя для подавления религиозного волнения принимаемы были самые строгие меры сестрою короля Филиппа II, герцогинею Маргаритою Пармской, управлявшею странюю, но эти меры не удовлетворяли испанское правительство: Филипп II поручил управление Нидерландами вместо Маргариты герцогу Альбе, человеку жестокому и честолюбивому, который решился для восстановления безусловной покорности лишить народ прав и привилегий, дарованных ему прежними государями. Народ с своей стороны полагал всю надежду свою на принца Вильгельма Оранского и графа Эгмонта, нидерландских вельмож, отстаивавших пред правительством эти вековые права и привилегии его. Граф Эгмонт, герой этой трагедии, нидерландец по происхождению, воспитанный при испанском дворе, был искренне предан королю и в то же время любим народом по открытому, честному характеру своему, щедрости и по храбрости, которою он отличался во многих битвах, прославивших его родину. Но Эгмонт пользовался своим влиянием на народ только для удержания его в полном повиновении пред правительством. К несчастью графа Эгмонта, новый правитель, герцог Альба, был с самого детства враг его. Тотчас по прибытии своем в Брюссель Альба, желая овладеть любимцами народа, пригласил к себе всех знатных нидерландцев, в том числе принца Оранского и графа Эгмонта. Принц Оранский как опытный и проникательный человек, поняв коварное намерение Альбы, удалился из Брюсселя, Эгмонт же явился немедленно в полной надежде на личное расположение короля к нему и не сознавал за собою никакой вины, несмотря на предупреждение принца Оранского. При свидании с Альбою Эгмонт высказывает свое убеждение, что взволнованный народ могут успокоить только кроткие меры и обещание упрочить за ним вековые права и привилегии и что мнение это он сочтет долгом повторить и пред лицом самого короля. Но герцог Альба, решившийся во что бы то ни стало погубить Эгмонта, пользуясь неограниченным уполномочием своим, приговорил Эгмонта к смертной казни будто бы за государственную измену, и таким образом голова Эгмонта пала на плахе как жертва личной ненависти Альбы. Между тем граф Эгмонт, охранявший права своего народа, по убеждению в необходимости их огра-

ждения для спокойствия самого правительства, не был ни революционером, ни изменником, ни даже демагогом.

Прекрасный эпизод в этой трагедии составляет умилительная любовь к графу Эгмонту простой девушки Клары. Узнав об осуждении его на смерть, Клара убеждает, хотя безуспешно, своих сограждан освободить Эгмонта из темницы и, по произнесении над ними приговора, отравляет себя ядом.

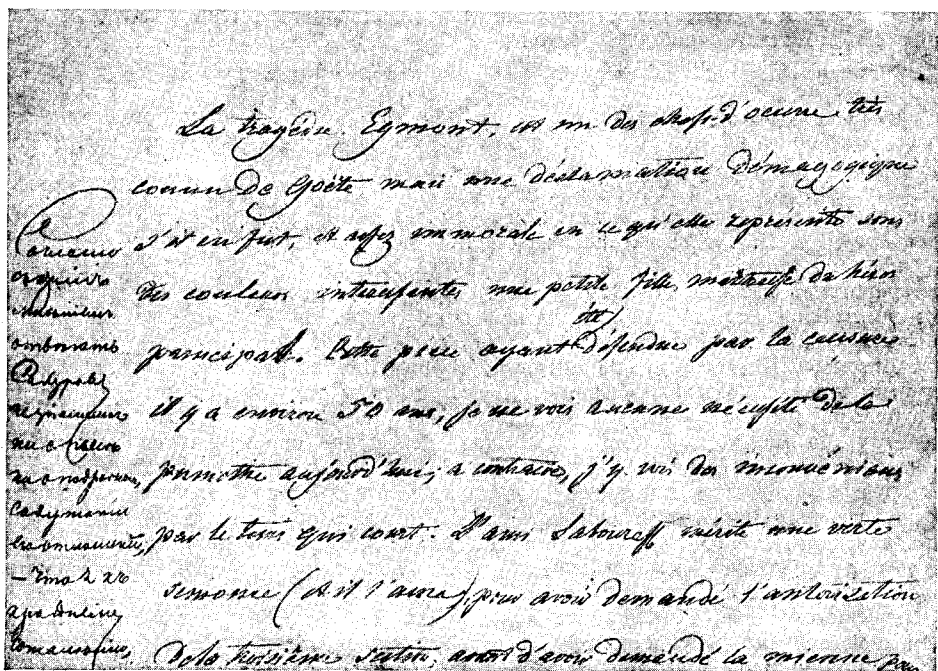
Трагедия эта была запрещена цензурою еще в 1813 году. Между тем она играется не только на всех германских сценах, не исключая и Вены, но с разрешения местной цензуры и в Риге, составляя повсюду как классическое произведение Гете любимую пьесу. К тому же к ней написана Бетховеном превосходная увертюра.

Ныне дирекция императорских театров ходатайствует о дозволении представления этой трагедии на здешней немецкой сцене в том внимании, что пьеса эта играется в Остзейских губерниях и что во время пребывания в прошедшем году государя императора и государыни императрицы в Дармштадте она избрана была для торжественного спектакля, данного в присутствии их величеств на тамошнем театре.

На случай соизволения на сие, в трагедии сделаны весьма значительные сокращения, с пропуском даже двух действующих лиц, и вообще пьеса получила тот вид, в котором она играется в Вене и, судя по представленной при сем афише, и в Риге. Ив. Нордстрем»³⁰.

Можно было ожидать благоприятного исхода ходатайства, но в дело неожиданно вмешался министр императорского двора В. Ф. Адлерберг, в ведении которого находились театры. Его хранящееся ныне в Центральном архиве письмо к В. А. Долгорукому положило конец просьбам Сабурова и заступничеству Нордстрема.

«La tragédie: «Egmont», est un des chefs-d'oeuvre très connu de Goethe, mais une déclamation démagogique s'il en faut et assez immorale en ce qu'elle représente sous des couleurs intéressantes une petite fille maîtresse du héros principal. Cette pièce ayant été défendue par la censure il y a environ 50 ans, je ne vois aucune nécessité de la permettre aujourd'hui; au contraire, j'y vois des inconvénients par le tems qui court. L'ami Saboureff mérite une verte semonce (et il l'aura) pour avoir demandé l'autorisation de la troisième section, avant d'avoir demandé la mienne pour faire cette démarche; entre nous deux (lui et moi) la chose aurait passé inaperçue, tandis que

Письмо министра двора графа В. Ф. Адлерберга шефу жандармов князю В. А. Долгорукому с требованием запрещения постановки „Эгмонта“ на сцене

maintenant le refus de représentation pourra donner lieu à des propos. Néanmoins je maintiens le refus comme nécessaire.

Les retranchemens et coupures qu'on a pu faire ne changent rien au fond de la pièce. A l'assertion de la prétendue représentation solennelle à Darmstadt l'an passé en présence de L.L.M.M. est aussi fausse que nulle comme motif pour donner la pièce ici D'abord L. L. M. M. n'ont pas été à Darmstadt l'an passé, mais en 1857 et alors on n'a donné que deux ou trois scènes pour faire valoir le talent d'un acteur et d'une actrice réputés qui étaient en passage; puis en Allemagne «Egmont» n'a jamais été prohibé et ne pouvait l'être étant un chef-d'oeuvre d'un poète reveré par toute la nation. Chez nous il n'y a pas ni urgence, ni convenance (mais maladresse) a retirer des cartons ou elle a été enfoncé pendant un demisiècle, une pièce dont la tendance est révolutionnaire tout en étant la reproduction poétisée d'un fait historique. Veto.

Tout à vous

Adlerberg.

27 Decembre 1860»³¹.

Перевод этого письма звучит так:

«Трагедия «Эгмонт», один из известнейших шедевров Гете, есть в то же время апология демагогии и в достаточной степени безнравственное произведение, поскольку она представляет в соблазнительных красках маленькую девочку, любовницу главного героя пьесы. Трагедия была запрещена цензурой приблизительно 50 лет назад, и я не вижу надобности допускать ее и в настоящее время; наоборот, по моему мнению, к тому сейчас есть большие препятствия. Директор Сабуров заслуживает порядочно нагоняя (и получил его) за то, что просил разрешения III Отделения, не осведомившись предварительно о моем мнении; между нами обоими история прошла бы незамеченной, между тем как сейчас отказ в разрешении пьесы может породить разнообразнейшие толки. Тем не менее я всецело поддерживаю настоятельность запрещения. Исключения и вымарки, которые могли быть сделаны в пьесе, нисколько не меняют ее существа. Что же касается до указания на представление пьесы в Дармштадте в присутствии их величеств, то оно также неверно как повод дать трагедию здесь. Прежде всего их величества не были в Дармштадте в прошлом году, а в 1857 г., и тогда были даны лишь две-три сцены, дабы показать во всем блеске таланты двух знаменитостей: одного актера и актрисы, бывших в Дармштадте проездом. Наконец в Германии «Эгмонт» никогда не был и не мог быть запрещен, принадлежа к числу шедевров поэта, известного всему народу, У нас же нет вовсе необходимости, неприлично и неосторожно вытаскивать из архива произведение, пробывшее там около полувека и по существу революционное, хотя основанное на исторических фактах. Veto. Преданный вам Адлерберг. 27 декабря 1860»³².

После вмешательства Адлерберга нечего было и думать о разрешении пьесы. На представлении Нордстрема значится краткая резолюция начальника штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашева «Запрещается. 22 декабря 1860 г.».

Атака на «Эгмонта» была повторена спустя два года (в 1862 г.), когда санкт-петербургский военный генерал-губернатор кн. А. А. Суворов возбудил ходатайство о разрешении пьесы, на этот раз для немецкого театра. Он обратился со следующим письмом к директору императорских театров гр. А. М. Борху:

«Артистка СПб немецкой драматической труппы Шенгоф-Гаазе желала бы поставить в свой бенефис трагедию «Эгмонт», но встречает к тому препятствия со стороны театральной цензуры. Соображения, стесняющие, по всей вероятности, в этом деле цензуру, по моему глубокому убеждению, не вполне оправдываются характером означенного произведения, в котором автор имел только в виду опозгизировать в исторической личности пламенное стремление к освобождению отечества от власти чужой страны. При этом нельзя не обратить внимания и на то, что лишение здешних немецких жителей возможности наслаждаться представлением любимого национального произведения, дозволенного на всех иностранных театрах, было бы тем более несправедливо, что побуждения, по коим некоторые драматические пьесы, разрешенные у нас в чтении, не допускаются на сцене, не могут относиться к немецкой публике, и по характеру и по настроению далекой от той впечатлительности, при которой превратно понятая мысль автора может иметь вредные последствия. P. S. J'ai la conviction, qu'on ne peut pas raisonablement refuser cette tragédie; je connais depuis 15 ans la charmante Madame Schengoff-Haase». (Перевод: «Я убежден в том, что нет оснований запрещать эту трагедию: я знаю очаровательную г-жу Шенгоф-Гаазе в течение 15 лет».)³³

И это ходатайство не увенчалось успехом. Да и момент для него был выбран крайне неудачно. Взволнованное нарастающим революционным движением во время резкого обострения польского вопроса правительство менее чем когда бы то ни было склонно было разрешать постановку произведения, вызывавшего напрашивающиеся сами собой нежелательные аналогии.

В третий раз попытку ввести «Эгмонта» в репертуар театров России сделал новый директор императорских театров А. М. Геденов.

15 октября 1869 г. он обратился в III Отделение с просьбой о разрешении постановки «Эгмонта». Попытка оказалась столь же безуспешной, как и две первые. «В виду запрещения, которому подверглась эта пьеса в прежнее время, не признается и ныне удобным разрешить ее к представлению», отвечал Геденову начальник Главного управления по делам печати М. Н. Похвиснев³⁴.

Многострадальный «Эгмонт» был разрешен к постановке лишь 30 сентября 1883 г., когда дальнейшие репрессии явно потеряли всякий смысл. Было вытаскано из архивов старое представление Нордстрема, написанное в благожелательных для «Эгмонта» тонах, и на копии его ниже запретительной резолюции Тимашева рукою Е. Феоктистова была положена следующая резолюция: «Считаю возможным разрешить к представлению»³⁵.

Но злоключения «Эгмонта» на этом не кончились. В 1901 году (!) пьеса дважды (8 марта и 1 мая) в переводе на латышский язык была представлена в цензуру и оба раза запрещена. Нельзя не привести мотивировки этого запрещения: «Я полагал бы,—писал цензор,—не разрешать ее к исполнению в латышском переводе, находя, что возбуждение в инородческих элементах сочувствия к деятелям политической революции, направленной против национальности и религии, нельзя признать безвредным»³⁶.

Такова цензурная история «Эгмонта» по материалам ленинградских архивов.

4

И «Фауст», и «Эгмонт»—крупные произведения Гете, и в них цензурные затруднения шли сразу по двум линиям—общей цензуры и особой театральной, подчиненной непосредственно министру императорского двора и III Отделению; в отношении «Фауста» нападки шли по линии главным образом второй части: первая проходила цензуру более или менее благополучно.

Из мелких произведений Гете удалось найти лишь одно дело: можно предполагать, что особых волнений лирика Гете в умах цензурных мужей не производила. Зато содержание единственного найденного дела искупает их количественный недостаток.

В конце 1831 г. в петербургскую цензуру в числе прочего материала, намеченного к печатанию в альманахах «Северные Цветы» и «Альциона», поступили стих. «Горные вершины», соч. Ставелова (для «Северных Цветов») и «Баядера» в переводе барона Розена (для «Альционы»). Рассматривавший их цензор В. Семенов, а вслед за ними и Санктпетербургский цензурный комитет признали: «что в первом из сих стихотворений выражается повидимому сомнение касательно бессмертия души, а во втором «индийский главный бог «Магадѣ» властитель земли, ниже названный всеведцем, нисшедший с неба для испытания людей, проводит ночь с распутною баядеркою, которую воспламеняет чистой любовью, что производит страшное смешение понятий божества и разврата».

Главное управление цензуры, в которое было передано все дело для окончательного решения, «согласилось с мнением Комитета о невозможности позволить первое из оных; во втором хотя не усмотрело предосудительного ни в изложении ни в намерении автора, но, чтоб избежать могущих произойти неприличных применений, признало за лучшее не дозволить оно»³⁷.

Неясно, о каком стихотворении «Горные вершины» идет речь. Стихотворение названо в рапорте цензора «Сочинением Ставелова», но, судя по выделению его в одно дело с «Баядерой», оно являлось если не буквальным переводом элегии Гете, то подражанием³⁸. Лермонтовский перевод тех же строк, напечатанный девять лет спустя в «Отечественных Записках» (1840, № 7), не вызвал никаких возражений со стороны цензуры.

Вообще самое изощренное воображение будет бессильно усмотреть «сомнение в бессмертии души» в 8-строчной элегии Гете. Очевидно цензора смущали заключительные строки, в которых он и усмотрел кощунственное неверие:

«Warte nur: balde
Ruest du auch»³⁹.

Что же до злополучной «Баядеры» и ее походов с «индийским главным богом Магадэ», то самое интересное во всей истории заключается в том, что за 4 года до возникновения этого дела «Брама и Баядера. Индийская повесть из Гете» была в переводе Ч—ва благополучно и полностью напечатана в «Славянине» за 1827 г. (часть III, стр. 62—65, цензурное разрешение цензора К. Сербиновича от 30 июня 1827 г.), а в 1828 г. «Магадев и Баядера. Индийская песня» была столь же благополучно целиком напечатана в «Опытях» Александра Ардалионовича Шишкова (М., 1828, стр. 33—37. Цензурное разрешение П. Гаевского от 18 марта 1828 г.). Далее: в 1838 г. в «Московском Наблюдателе» были помещены два перевода «Магадева и Баядеры»—один П. Петрова, другой К. А[ксакова]⁴⁰. Судя по тому, что Шевырев организовал своего рода состязание переводчиков, печатая следом два перевода, можно думать, что произведения проходили через цензуру совершенно свободно, не возбуждая никаких подозрений.

Однако оправдывая изречение о неисповедимых судьбах русской цензуры, шестому переводу «Баядеры» снова не повезло. Когда Алексей Толстой в 1867 г. хотел напечатать в «Русском Вестнике» свой перевод легенды, цензура произвела ряд изменений, и в этом искаженном виде стихотворение и увидело свет⁴¹.

По возможности было устранено частое упоминание божества и «сладолюбивые» мотивы; наемница же предпочтительно именуется девой.

Так вместо слов: «Лик наемницы облит»—стояло: «Дева плачет и дрожит».

Вместо: «И стан изгибаю, обходит кругом»—было: «И поступью легкой обходит кругом»... и т. д.

Впервые полный перевод под заглавием «Бог и баядера» (вместо первоначального «Магадэв и баядера») появился в 1876 г.⁴²

В заключение обзора следует еще упомянуть о двух отзывах цензуры, касающихся пьесы Голлан (по новелле А. Шюкинга) «Goethe in Darmstadt oder der gefangene Dichter», разрешенной к постановке в 1862 г., и биографии Гете, принадлежащей перу Д. Льюиса.

Содержание названной пьесы довольно подробно изложено в рапорте Нордстрема.

«Действие происходит в 1772 г. Молодой Гете, гуляя в саду Дармштадтского дворца, встретился в пещере с супругою ландграфа Гессенского, которая, узнав в нем поэта, пригласила его на вечер во дворец. Но по уходе ее Гете по ошибке был заперт в той пещере и, пробыв там целый день в уединении, начал писать свою трагедию «Торквато Тассо». Между тем садовник ландграфа Альтгейер, рассердясь на помощника своего Вильгельма за его любовь к Минетте, дочери его, садовника, упрямил ландграфа сдать Вильгельма в солдаты. Вильгельм, схваченный около пещеры, был принят за поэта Гете и ландграфом по ходатайству супруги последнего освобожден от рекрутства. Таким образом случайное заточение Гете помогло бедняку избавиться от военной службы, к которой он не имел никакого призвания.

Этот анекдот служит основанием настоящей пьески, в которой предосудительного нет ничего»⁴³.

В 1865 г. цензор А. Смирнов представил цензурному комитету рукопись перевода книги Д. Льюиса «Жизнь Гете».

Цензор считал возможным разрешить книгу за исключением отдельных мест вроде «циничной выходки против значения брака в XVIII столетии», «сопоставления проповедников и апостолов со Спинозой и Макиавелем» и т. д.

Санктпетербургский цензурный комитет нашел, что рукопись не представляет ничего противного правилам цензуры и как превышающая по объему 20 листов может быть напечатана без предварительной цензуры⁴⁴.

С. Рейсер

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общую характеристику рижской цензуры см. в ст. В. В. Сиповского, Из прошлого русской цензуры. «Русская Старина» 1899, №№ 4 и 5. О Тимковском см. у Коцебу, Une année mémorable de ma vie (Berlin, 1802). Ср. Н. И. Греч, Записки «Academia», Л., 1930 г., стр. 151 сл.

² «Дело канцелярии генерал-прокурора правит. Сената. Донесения цензур Рижской, Московской, Санктпетербургской, Радзивилловской о задержанных печатных произведениях...» 1797 г., № 193, л. 36—36 об. Рапорт № 57. (То же дело за № 163, 1797 г. имеется во втором экземпляре.)

Привожу краткие цитаты из соответствующих мест: стр. 110 (ч. VII, гл. 6)—очевидно цензуру смутило рассуждение Терезы: «Ich kann überhaupt nicht begreifen,

III ОТДЕЛЕНИЕ
СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРИИ
ЭКСПЕДИЦИЯ
ЦЕНСУРАМЪ.

Декабря 1860 г.

№

Милостивый Государь,

Андрей Иванович!

На отношение Вашего
Превосходительства, отъ 17-
ого Декабря за № 10, о раз-
решении въ представлении
на Императорскаго Те-
атраго франца Гётте, подъ на-
званіемъ: Эгмонт; и много често
уведомить Васъ, Милостивый
Государь, что, при всей готовно-
сти моей сделать Вамъ удобное, я,
къ крайнему сожалѣнію, нахо-
жусь въ невозможности испол-
нить желаніе Ваше, изъяснен-
ное въ означенномъ Вашемъ от-
ношеніи.

Примите, Ваше Превосхо-
дительство, увереніе въ совер-
шенномъ моемъ почтеніи и
преданности.

Его Превосход. в.
А. И. Сабурову

Ответ III Отделения „Собственной его императорскаго величества канцелярии“ директору императорских театров А. И. Сабурову о запрещении постановки „Эгмонта“

Воспроизводится по отпуску с поправками шефа жандармов В. А. Долгорукова
Ленинградское Отделение Централархива

für sie fort, wie man hat glauben können, das Gott durch Bücher und Geschichten zu uns spreche...», стр. 202 (гл. 9) «...nicht vor Irrthum zu bewahren, ist die Pflicht des Menschenerziehers, sondern den Irrenden leiten, ja ihn seinen Irrthum aus vollen Büchern ausschurfen zu lassen, das ist Weisheit der Lehrer...», стр. 224 (ч. VIII, гл. I) O. der unnöthigen Strenge der Moral... O. der seltsamen Anforderungen der bürgerlichen Gesellschaft...» За недостатком места не привожу более мелких отрывков, отмеченных в конце рапорта. Приведенное дает достаточное представление о том, что именно волновало цензуру.

³ Оба эти рапорта найдены А. В. Федоровым. Благодарю его за разрешение использовать их в настоящем сообщении.

⁴ «Дело по рижской цензуре»... 1800 г., № 2416 (2889—6205). Рапорт № 1038, л. 229.

⁵ Там же, рапорт № 1073, л. 238 (факсимиле начала этого рапорта см. на стр. 930.)

⁶ «Дело 1797, № 193»... Рапорт № 581, л. 377. Вот некоторые из волновавших цензуру отрывков:

Стр. 132—133

Und der König sprach zu einem seiner Vertrauten:
Freilich ist Reinecke boshaft, allein man sollte bedenken,
Viele seiner Verwandten sind nicht zu entbehren am Hofe.

Стр. 142

Spiritus Domini. Hilfe mir nun...

Стр. 219

... besser geschworen
Als verlohren. So sagte mir ernst ein Weiser im Berchstahl
Ein gezwungen Eid bedeute wenig. Das kann mich
Keinen Katzenschanz hindern. Ich meine den Eid vesteht nur...

Особенно ярки два последних места, но привести их в виду обширности невозможно. Они соответствуют середине и концу восьмой песни.

⁷ Там же, рапорт № 271, л. 162.

⁸ Сопиков (ч. V, стр. 27, № 11916) не знает двух изданий и описывает только первое. При этом он ссылается на Смирдина («Роспись», СПб, 1828, № 6917) и Геннади (Справочный словарь, Берлин, 1876, т. I, стр. 213), которые описывают вторые издания. 1-е издание, в самом деле очень редкое, имеется между прочим в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде. Ср. в статье П. Н. Беркова, К истории первоначального знакомства русского читателя с Гете. В сборнике «Гете», изд. Академии Наук СССР, л., 1932.

⁹ «Рапорты о пьесах, рассмотренных... в 1862 г.», л. 219. (В дальнейшем просто «Рапорты...»)

¹⁰ Там же, л. 222 и «Рапорты... 1835 г.», л. 130.

¹¹ См. «Литер. прибавл. к «Русскому Инвалиду» 1837, № 34, стр. 335; ср. в статье А. Г. Горнфельда, Сцена из Фауста, «Пушкин», сочин. под ред. С. А. Венгерова, СПб, 1908, т. II, стр. 410 и в статье С. А. В[енгерова] об И. А. Беке в «Крит.-биогр. словаре...» СПб, 1891, т. II, стр. 384 сл.

¹² «Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры по представлению С.-Петербургского цензурного комитета о дозволении напечатать вторым изданием «Фауст», соч. Гете, пер. Э. Губера». 1858 г., № 333.

¹³ «Сочинения» Э. И. Губера, изд. под ред. А. Г. Тихменева, т. II, «Фауст», трагедия Гете, СПб, 1859. Цензурное разрешение В. Бекетова от 13 января 1859 г. В настоящей заметке, преследующей целью исключительно публикацию цензурного материала, анализ цензурных сокращений и дальнейшая история издания этого перевода «Фауста» не дается. О ней см. в настоящем номере в статье В. М. Жирмунского.

¹⁴ «Рапорты...1834 г.», л. 201.

¹⁵ Вот это представление: «Cette pièce est déjà permise a plusieurs reprises pour la scène de St.-Petersbourg et pour d'autres theatres de l'Empire». Перевод: «Эта пьеса была уже многократно разрешена к представлению в Петербурге и других городах империи».

¹⁶ Разрядка моя.—С. Р.— Там же, л. 61.

¹⁷ Перед тем в 1837 г. «Фауст» был разрешен к постановке в Немецком театре в Риге («Рапорты... 1837 г.», л. 194), а в «Рапортах о пьесах... 1847 г.» (л. 179) находим заключение М. Гедеонова о либретто на тему «Фауст»: «Эта легенда писана

не для театра, а для концерта и должна быть исполнена г-ном Берлиоз. Она состоит из разных песен и регистров, не заключающих в себе ничего предосудительного». (Разрешено 27 февраля 1847 г.)

¹⁸ «Рапорты... 1860 г.», л. 256.

¹⁹ «Дело Санктпетербургского цензурного комитета» по издаваемому А. Марксом иллюстрированному переводу «Фауста» Гете. 1888, № 151.

²⁰ «Рапорты... 1912 г.», л. 24. В «Алфавитном каталоге изданиям на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатке в России на 1 января 1894 г.» (СПБ, 1894. Изд. Гл. упр. по делам печати) на стр. 15 (№ 236) находим запрещение Львовского издания (ч. I «Фауста», 1882 г. в переводе Ив. Франко).

²¹ «Рапорты... 1889 г.», л. 55.

²² В переводе Холодковского эти строки звучат так:

Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в Каменном гнезде
Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде...

²³ Там же, л. 148—149.

²⁴ Беспрепятственно разрешались к печати лишь совершенно нейтральные отрывки вроде «Песни Клары»: Перевод этого отрывка см. в «Деннице» 1838 г., стр. 64 (то же в сочинениях Д. Веневитинова, изд. 1831 г. Там же «Сцена из «Эгмонта»). См. еще в стихотворениях А. Струговщикова (1845 г., стр. 83 и 85) и др.

Полный перевод «Эгмонта» в «Сочинениях В. Гете», изд. 1865 г., т. 11; переп. в «Европ. театре» П. Вейнберга в 1875 г., т. I.

²⁵ «Журнал заседаний Санктпетербургского цензурного комитета», 1806 г., л. 204—205. Цит. по М. И. Сухомлинову, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, СПб, 1889, стр. 436. От Сухомлинова без указания источника эта цитата перешла к А. М. Скабичевскому, Очерки истории русской цензуры, СПб, 1892, стр. 166, а от Скабичевского — к Н. В. Дризену, Материалы к истории русского театра, М., 1905, стр. 125.

²⁶ № 38764. К. I. 317. 1805—1811 гг., лл. 521 об.—523. Ср. «Описание дел архива министерства народного просвещения». Под ред. А. С. Николаева и С. А. Переселенкова, т. II, П., 1921, стр. 13—14.

²⁷ Дело № 365 (К. 5991, № 147228) по представлению Санктпетербургского цензурного комитета о переводе трагедии «Граф Эгмонт» соч. Гете. 24/XI—12/XII 1832 г.

²⁸ См. И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, СПб, 1903, стр. 93, 167, 168; Пушкин, Соч. под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 540. Переписка, акад. изд. под ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 23—24; П. Е. Щеголев, Заметки к Пушкине. Изв. 2-го отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1903 г., т. VIII, кн. 4. П. Е. Щеголев датирует это прошение временем до 18 августа 1833 г. В Центрархиве сохранились лишь документы, касающиеся первых двух частей, проходивших цензуру без задержек. См. «Дело № 9 по отношению разных мест с препровождением на рассмотрение рукописей и книг...», л. 33 и сл. и «Дело № 1 1834 г.», л. 42 и сл. Ср. еще в статье В. М. Жирмунского в этом номере.

²⁹ См. «Дело собственной е. и. в. канцелярии по III Отделению, 5-й экспедиции, № 3, 1860 г. о пьесе «Эгмонт». К письму приложена афиша на немецком языке городского театра в Риге, свидетельствующая о том, что «Эгмонт» шел там 11 декабря 1860 г. (л. 7). Это специально посвященное «Эгмонту» дело было неизвестно Дризену, вообще использовавшему материал театральной цензуры в своей книге крайне случайно и несистематично.

³⁰ «Рапорты о песах... 1860 г.», лл. 258—259. Везде разрядка подлинника.

³¹ «Рапорты... 1860 г.», л. 257 и сл. На письме Адлерберга рукой шефа жандармов В. А. Долгорукова положена следующая резолюция: «Согласно с этим мнением отвечать Сабурову, не упоминая ни о пьесе, ни о подробностях содержания его отношений, что я, к крайнему сожалению, при всей готовности моей делать ему угодное, нахожусь в невозможности исполнить желание, выраженное им в означенном отношении 27 декабря». Составленный в духе этой резолюции проект ответа Сабурову находится в названном деле III Отделения и воспроизводится в настоящей статье.

³² Перевод цит. по книге Н. Дризена, стр. 211—212.

³³ Там же, стр. 283—284.

³⁴ Цитированное выше дело III Отделения, л. 11 и сл.

³⁵ «Рапорты... 1901 г.», л. 20 и 21.

⁸⁶ «Рапорты... 1883 г.», л. 41 и сл. Ср. аналогичную формулировку относительно «Фауста» в гл. 2.

⁸⁷ «Дело по представлению попечителя Санктпетербургского учебного округа о стихотворении «Горные вершины» и «Баядера», 1831 г., № 429.

⁸⁸ Насколько мне известно, стихотворение Ставелова так и не увидело света. Перевод Розена, найденный в его бумагах в Историческом Музее, печатается в настоящем номере.

⁸⁹ «Подожди немного

Отдохнешь и ты»—в переводе Лермонтова.

⁴⁰ «Московский Наблюдатель» 1838 г., ч. XVI, стр. 39, пер. П. Петрова; ценз. разр. В. Булыгина от 11 апреля 1838 г. и ч. XVII, стр. 16, пер. К. Аксакова; ценз. разр. И. Снегирева от 11 июня 1838 г.

⁴¹ «Русский Вестник» 1867 г., т. 71, стр. 259—262.

⁴² В подлиннике заглавие «Der Gott und die Bajadere». См. собрание сочинений А. К. Толстого (изд. 1876 г., т. II) и примечания С. А. Венгерова к полн. собр. сочинений в издании А. Ф. Маркса. СПб, 1907, т. I, стр. 525. Есть и более поздние переводы легенды, см. напр. в «Деле» за 1870 г., № 7, стр. 158—160 «Баядерка», пер. Д. Минаева или в «Афишах и объявлениях» 1884 г., № 376 от 20 мая «Магадер и баядера», пер. А. Г.; были кроме того и отдельные оттиски этого перевода.

⁴³ «Рапорты... 1862 г.», л. 221.

⁴⁴ «Дело Санктпетербургского цензурного комитета о рукописи... 2. «Жизнь Гете Д. Льюиса», 1865, № 114. «Книга вышла в 1867 г. О том же в «Журнале заседания Санктпетербургского цензурного комитета» от 1 декабря 1865 г.

II. КНИГИ ГЕТЕ И «КОМИТЕТ ЦЕНСУРЫ ИНОСТРАННОЙ»

1

Проникновение в Россию иностранной книги с 1828 г. зависело от особого Комитета цензуры иностранной, учрежденного при Главном управлении цензуры. С 1815 по 1828 г. иностранные книги рассматривались Цензурою при министерстве полиции, но это был, так сказать, доисторический период существования иностранной цензуры: материалы, относящиеся к этому времени, сравнительно скудны, и в самой постановке дела не было отчетливой системы—начиная от делопроизводства и кончая принципами оценки чужеземных авторов. Цензура при министерстве полиции рассматривала только особо сомнительные книги, доставленные с пограничных пунктов местными таможенными цензорами. О большом количестве книг, не обративших на себя внимание местных цензоров и благополучно пропущенных, сведений вовсе не сохранилось.

Иностранная цензура вступает в исторический период своего существования лишь после издания Устава о цензуре 1828 г. Лишь начиная с этого года, мы видим полную и подробную картину судеб иностранной книги в России; лишь с этого года имеются точные сведения о всех книгах, проходивших через цензуру (как запрещенных, так и дозволенных к продаже).

В общем положение в России иностранной книги было более благоприятно, чем положение книги русской, еще в рукописи поступавшей на предварительную цензуру. Конечно в иностранном произведении, возникшем в особых, далеких от России, более свободных условиях, могло быть много такого, что не встретилось бы в сочинении русского автора, писавшего в русской обстановке и учитывавшего возможность цензурных препятствий для своей книги. Доза революционного яда в книге иностранной всегда могла оказаться неизмеримо большей, чем в отечественном произведении времен Николая I. Но этот яд выступал в гораздо более откровенном, заметном виде, и потому со стороны цензуры иностранной большей частью не проявлялось такого настороженного и подозрительного отношения к мелочам (якобы скрывающим опасный смысл), какое часто наблюдается в истории внутренней цензуры XIX века.

В частности цензурная судьба гетевских подлинников, проникавших в Россию, была в общем более благоприятной, чем судьба русских переводов из Гете. Запрещения, которым на исходе XVIII в. подверглись со стороны рижского цензора Ф. О. Туманского отдельные тома сочинений Гете, в цензурной судьбе подлинного Гете остались единственным и неповторимым фактом.

Однако отдельные моменты гетевского наследия встречались русской цензурой с известной подозрительностью и позднее.